

Сказка Г.Х. Андерсена " Двенадцать пассажиров "

Мороз так и трещал; вывездило; воздух словно застыл. "Бумс!" – о двери разбился горшок. "Паф!" – выстрел приветствовал Новый год. Это было в ночь под Новый год, и часы как раз пробили двенадцать. "Тра-та-та-ра!" Пришла почта. У городских ворот остановился почтовый дилижанс, привезший двенадцать пассажиров; больше в нем и не умещалось; все места были заняты. "Ура! Ура!" – раздались в домах, где люди собрались праздновать наступление Нового года. Все встали из-за стола с полными бокалами в руках и принялись пить за приход Нового года, приговаривая: "С Новым годом, с новым счастьем!" – "Вам славную женку!" – "Вам денег побольше!" – "Конец старым дрязгам!"

Вот какие раздавались пожелания! Люди чокались, а дилижанс, привезший гостей, двенадцать пассажиров, остановился в эту минуту у городских ворот.

Что это были за господа? У них были с собой и паспорта и багаж, подарки для тебя и для меня, для всех в городе. Кто же такие были эти гости? Что им надо было тут и что они привезли с собою?

– С добрым утром! – сказали они часовому у ворот.

– С добрым утром! – ответил он, – часы ведь уже пробили двенадцать. – Ваше имя? Звание? – спросил часовой у первого, вылезшего из дилижанса.

– Взгляни на паспорт! – ответил тот. – Я – я! – Это был парень здоровый, в медвежьей шубе и меховых сапогах. – Я тот самый, на кого уповают столько людей. Приди ко мне утром, я дам тебе на чай! Я так и швыряю деньгами, дарю подарки, задаю балы! Тридцать один бал! Больше ночей я тратить не могу. Корабли мои, правда, замерзли, но в конторе у меня тепло. Я – коммерсант, зовут меня Январь. У меня с собою только счета.

Затем вылез второй – "увеселительных дел мастер", театральный директор, распорядитель маскарадов и других веселых затей. В багаже у него была огромная бочка.

– Из нее мы на масленице выколотим кое-что получше кошки! (Старый обычай, долго державшийся в Дании: в бочку сажают кошку и начинают изо всех сил колотить по бочке, пока, наконец, не вышибут из нее дно, и кошка, как угорелая, не выскочит оттуда. – Примеч. перев.) – сказал он. – Я люблю повеселить других, да и себя самого, кстати! Мне ведь уделен самый короткий срок! Мне дано всего двадцать восемь дней; разве иногда прикинут лишний денек! Но все равно! Ура!

– Нельзя кричать! – заявил часовой.

– Мне-то? Я – принц Карнавал, а путешествую под именем Февраля!

Вышел и третий; вид у него был самый постный, но голову он задирает высоко: он ведь был в родстве с сорока мучениками и числился пророком погоды. Ну да это должность не из сытных, вот он и восхвалял воздержание. В петлице у него красовался букет фиалок, только крошечных-прекروشечных!

– Март, марш! – закричал четвертый и толкнул третьего. – Март, марш! Марш в караулку, там пунш пьют! Я чую. – Однако это была неправда: Апрель все бы только дурачиться – он с этого и начал. Смотрелся он парнем разудалым, делами много не занимался, а все больше праздновал. С расположением духа он вечно играл то на повышение, то на понижение, то на понижение, то на повышение. Дождь и солнце, переезд из дома, переезд в дом (См. примеч. т.1, стр. 196). – Я ведь тоже состою квартирным комиссаром, сзываю и на свадьбы, и на похороны, готов и посмеяться и поплакать! В чемодане у меня есть летнее платье, но надеть его было бы глупо! Да, вот я! Ради парада я щеголяю в шелковых чулках и в муфте!

Затем из дилижанса вышла барыня.

– Девушка Май! – отрекомендовалась она. На ней было легкое летнее платье и калоши; платье шелковое, буково-зеленое, в волосах анемоны; от нее так пахло диким яминником, что часовой не выдержал, чихнул.

удьте здоровы! – сказала она в виде приветствия. Как она была мила! И какая певица! Не театральная, а вольная, лесная; да и не из тех, что поют в увеселительных палатках; нет, она бродила себе по свежему зеленому лесу и пела для собственного удовольствия. В ридикюле у нее лежали "Гравюры на дереве" Христиана Винтера (Христиан Винтер – один из выдающихся датских поэтов-лириков.) – они поспорят свежестью с буковым лесом – и "СТИШКИ" Рихарда (Христиан Рихард – то же.) – эти благоухают, что твой дикий яминник!

– Теперь идет молодая дама! – закричали из дилижанса. И дама вышла. Молодая, изящная, гордая, прелестная! Она задавала пир в самый длинный день года, чтобы гостям хватило времени покончить с многочисленными блюдами. Средства позволяли ей ездить и в собственной карете, но она приехала в дилижансе вместе со всеми, желая показать, что совсем неспесива. Но, конечно, она ехала не одна: ее сопровождал младший брат Июль.

Июль – толстяк; одет по-летнему, в шляпе "панамы". У него был с собою очень небольшой запас дорожной одежды: в такую жару да возиться еще! Он и взял с собою только купальные панталоны да шапочку.

За ним вылезла матушка Август, оптовая торговка фруктами, владелица многочисленных садков, земледелец в кринолине. Толстая она и горячая, до всего сама доходит, даже сама обносит пивом рабочих в поле. "В поте лица своего ешь хлеб свой, – приговаривала она. – Так сказано в Библии! А вот осенью – милости просим! Устроим вечеринку на открытом воздухе, пирушку!" Она была молодец баба, хозяйка хоть куда.

нею следовал опять мужчина, живописец по профессии. Он собирался показать лесам, что листья могут и переменить цвета, да еще на какие чудесные, если ему вздумается! Стоит ему взяться за дело, и леса запестреют красными, желтыми и бурными листьями. Художник насвистывал, что твой черный скворец, и мастер был работать! Пивную кружку его украшала ветка хмеля – он вообще знал толк в украшениях. Весь его багаж заключался в палитре с красками.

Вылез и десятый пассажир, помещик. У него только и дум было, что о пашне, о посевах, о жатве, да еще об охотничьих забавах. Он был с ружьем и собакою, а в сумке у него гремели орехи. Щелк! Щелк! Багажа у него было пропасть, между прочим даже английский плуг. Он что-то говорил о сельском хозяйстве, но его почти и не слышно было из-за кашля и отдувания следующего пассажира – Ноября.

Что за насморк у него был, ужасный насморк! Пришлось вместо носового платка запастись целой простыней! А ему, по его словам, приходилось еще сопровождать служанок, поступающих на места! Ну, да простуда живо пройдет, когда он начнет рубить дрова. А он это непременно сделает – он ведь был старшиной цеха дровосеков. Вечерами он вырезывал коньки, зная, что эта веселая обувь скоро понадобится.

Вышел и последний пассажир – бабушка Декабрь с грелкою в руках. Она дрожала от холода, но глаза ее так и сияли, словно звезды. Она несла в цветочном горшочке маленькую елочку. "Я ее выхожу, выращу к сочельнику! Она будет большая – от полу до потолка, обрастет зажженными свечками, вызолоченными яблоками и разноцветными сеточками с гостинцами. Грелка согревает не хуже печки, я вытащу из кармана книжку со сказками и буду читать вслух. Все детки в комнате притихнут, зато куколки на елке оживут, восковой ангелочек на самой верхушке ее затрепещет золочеными крылышками, слетит и расцелует всех, кто в комнате, – и малюток, и взрослых, и даже бедных деток, что стоят за дверями и славят Христа и звезду Вифлеемскую.

– Теперь дилижанс может отъехать! – сказал часовой. – Вся дюжина тут! Пусть подъезжает следующий.

– Пусть сначала войдут эти двенадцать! – сказал дежурный капитан. – По одному зараз! Паспорта остаются у меня. Каждому паспорт выдан на один месяц; по истечении срока я сделаю пометку о поведении каждого. Пожалуйте, господин Январь! Не угодно ли вам войти?

И тот вошел.

Когда год кончится, я скажу тебе, что эти двенадцать пассажиров принесли тебе, мне и всем остальным. Теперь я этого еще не знаю, да и сами они не знают, – удивительные ведь времена у нас настали!

Другие сказки Андерсена